

Научная статья и публикация
архивных документов /
Research Article and Publication
of Archival Documents

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ И БОРИС ЗАЙЦЕВ: ЮБИЛЕЙНЫЕ ХЛОПОТЫ 1926 г.

© 2021 г. Е.Р. Обатнина

*Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)
Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия*

Дата поступления статьи: 17 апреля 2021 г.

Дата одобрения рецензентами: 18 июня 2021 г.

Дата публикации: 25 декабря 2021 г.

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-466-485>

Аннотация: Статья посвящена сюжету из литературной жизни русской эмиграции, связанному с творческим юбилеем Бориса Зайцева в 1926 г. Впервые в научный оборот вводится неизвестный архивный материал, открывающий деятельность Алексея Ремизова в освещении этого литературного события на страницах европейской печати. Архивные документы (фрагменты неопубликованной ранее переписки Ремизова и Зайцева эмигрантского периода) и неизвестные печатные источники позволили автору статьи описать характер взаимоотношений двух писателей сходной литературной биографии в контексте литературной ситуации 1926 г. Юбилейное торжество как фактор общественного признания для Ремизова стало поводом для интеграции значительных явлений русской литературы в пространство европейской литературы и культуры. Статья содержит неизвестные биографические сведения о ремизовских корреспондентах.

Ключевые слова: русское Зарубежье, стратегия литературного поведения, юбилей писателя, общественное и культурное признание, биография, архивные документы, А.М. Ремизов, Б.К. Зайцев.

Информация об авторе: Елена Рудольфовна Обатнина — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199004 г. Санкт-Петербург, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1823-6321>

E-mail: lena.eo@mail.ru

Для цитирования: Обатнина Е.Р. Алексей Ремизов и Борис Зайцев: юбилейные хлопоты 1926 г. // Studia Litterarum. 2021. Т. 6, № 4. С. 466–485.
<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-466-485>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 6, no. 4, 2021

ALEXEY REMIZOV AND BORIS ZAITSEV: 1926 ANNIVERSARY PREPARATIONS

© 2021. Elena. R. Obatnina
*Institute of Russian Literature
(The Pushkin House)
of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia*
Received: April 17, 2021
Approved after reviewing: June 18, 2021
Date of publication: December 25, 2021

Abstract: The article is dedicated to a story from the literary life of Russian emigration related to the anniversary of Boris Zaitsev of 1926. The article introduces hitherto unknown archival material that demonstrates how Alexey Remizov worked to cover this literary event in the pages of the European press. Archival documents (fragments of a hitherto unpublished emigrant period correspondence of Remizov and Zaitsev) and unknown print sources have allowed me to describe the nature of the relationship between two writers sharing similar literary biographies in the context of the literary situation of 1926. The anniversary celebration as a factor of public recognition for Remizov became an occasion for integrating significant phenomena of Russian literature into European literature and culture. The article contains obscure biographical information about Remizov's correspondents.

Keywords: Russian emigration, strategy of literary behavior, anniversary of the writer, public and cultural recognition, biography, archival documents, A.M. Remizov, B.K. Zaitsev.

Information about the author: Elena R. Obatnina, DSc in Philology, Leading Research Fellow, Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarova Emb. 4, 199004 St. Petersburg, Russia.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1823-6321>

E-mail: lena.eo@mail.ru

For citation: Obatnina, E.R. "Alexey Remizov and Boris Zaitsev: 1926 Anniversary Preparation." *Studia Litterarum*, vol. 6, no. 4, 2021, pp. 466–485. (In Russ.)
<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-466-485>

Творческая жизнь двух писателей имела немало точек пересечений и даже биографических совпадений. Подобно «близнецам», один за другим вошли они в литературу, начиная летоисчисление писательского пути с факта первой публикации в московской газете «Курьер», совершившейся под патронажем Леонида Андреева: Б. Зайцев — 15 июля 1901 г. (в имени автора тогда была допущена ошибка «П. Зайцев»), А. Ремизов — годом позже, 8 сентября 1902 г. (под псевдонимом «Н. Молдаванов»). Впоследствии оба писателя обращались к близким творческим темам, воплощая их в такие разные по художественному модусу произведения.

С самого начала их знакомства повелось, что залогом личного сближения оказывались деловые отношения. Непосредственная работа Б. Зайцева в литературных отделах московской дореволюционной, а затем эмигрантской периодики стала неотъемлемой частью его профессиональной жизни, а его литературные предпочтения как составителя портфелей временных изданий неизменно связывались с А. Ремизовым, избранным в ряду востребованных беллетристов¹. Еще в конце 1906 г., когда в издательстве «Золотое Руно» готовилась к печати первая книга фольклорных обработок «Посолонь», исполняющий обязанности корректора, такой же начинающий писатель Б. Зайцев направлял в Петербург обнадеживающие письма: «...насчет корректуры “Посолонь” не беспокойтесь, — я сличал все очень тщательно» [10, т. 10, с. 32]². Вышедший вскоре сборник апокрифи-

¹ В дореволюционный период сотрудничество писателей в российской печати осуществлялось в газете «Раннее Утро» (1907, 1909), в эмиграции — в рижском журнале «Перезвоны» (1925, 1927).

² Очевидно, готовя свою переписку для передачи в фонды Императорской публичной библиотеки в 1919 г., писатель на письме оставил свой комментарий красными чернилами:

ческих сказаний открыл новую перспективу ремизовского творческого развития и также не был оставлен вниманием московского литератора. Настроенный на собственное осмысление культурного топоса «Святая Русь», Б. Зайцев теперь уже с позиций заведующего литературным отделом новой газеты «Утро России» адресовал своему корреспонденту конкретный заказ: «Вы как автор “Лимонаря” крайне желательны редакции (между прочим много читателей старообрядцев) — и уж конечно мне» [10, т. 10, с. 32].

Так сложилось, что только в обстоятельствах эмигрантской жизни контакты давних знакомцев приобрели характер литературного товарищества и глубокого дружеского расположения. В Париже круг писателей поколения первых русских модернистов, общение с которыми оставалось для Ремизова непреходящей ценностью со времени знакомства в молодые годы, был чрезвычайно узким и практически ограничивался двумя именами философов (Л. Шестов и Н.А. Бердяев). Сближение с Б. Зайцевым оказалось редким обретением душевно близкого собрата по перу³. Новый уровень взаимоотношений запечатлелся в нескольких печатных выступлениях, связанных с чествованием такой памятной даты личного календаря Б. Зайцева, как 25-летие литературного пути. Именно тогда А. Ремизову представилась возможность выразить благодарность за дружбу и поддержку. Особое внимание А. Ремизова к этому событию объяснялось и тем, что позволяло спроецировать юбилей Б. Зайцева на собственную биографическую ситуацию. В следующем 1927 г. его самого поджидал двойной юбилей: полвека от роду и четверть века литературной жизни [2, с. 33–34].

В культурном пространстве публичное юбилейное чествование представляет собой форму объективации общественного признания писателя и его литературного статуса. Степень вовлеченности юбиляра в общественно-культурные взаимоотношения прямо пропорционально отражается в масштабе юбилейных торжеств. Отношение основных героев выбранного нами сюжета к проблеме юбилея зафиксировалось в эпистолярных и пе-

«И все-таки много опечаток. Есть и поправки» (РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 106. Л. 1). См. также об издании «Посолони» мемуарный очерк Б. Зайцева «О Ремизове — К десятилетию кончины» [10, т. 6, с. 358–359].

3 Ср. слова из статьи, написанной в подведение итогов жизни: «Для меня в нем ушел последний сотоварищ по писанию — моего поколения. Свообразнейше одаренный писатель и книголюб, москвич с Земляного вала, дорогой Алексей Михайлович, кого знал полвека...» [8, с. 415].

чатных документах и позволяет не только описать неизвестные страницы летописи жизни представителей творческой эмиграции, но и осмыслить мотивы и особенности литературного поведения избранных героев.

Год 1926-й стал для Ремизова временем небывалой ранее открытой демонстрации личной и творческой независимости от политических и эстетических регламентаций эмигрантского литературного сообщества [3, с. 8–53]. Крайнее неодобрение коллективного большинства к сотрудничеству писателя в журналах «Благонамеренный», «Версты» и «Своими путями», казалось, только укрепляло писателя в желании проявить себя как деятельного участника литературного процесса (который в его понимании не ограничивался только эмигрантской печатью) и, в частности, вести на страницах повременных изданий хронику литературной жизни. Повествовательная форма была подсказана самим временем, совпавшим с «круглыми» датами в биографии известных представителей русского Зарубежья. Введенный А. Ремизовым в литературный обиход жанр юбилейного эссе содержал в себе — как латентно, так и явственно — идею творческого союза свободно мыслящих людей, транслируемую в эстетике авторского локуса Обезьяньей Великой и Вольной Палаты. Далекое не случайно публикации этих текстов в 1926 г. появились в немецкой периодике⁴. Инициатива А. Ремизова мотивировалась личным пониманием необходимости объединения зарубежной русской и европейской литературы в едином культурном пространстве. К шагам подобного рода, несомненно, следует отнести появление в переводе на немецкий язык очерка „Was ich dem deutschen Geist verdanke“ («Чем я обязан немецкому духу»), который так и остался неопубликованным в русской печати [23]. До известной степени ремизовская мысль об интеграции в европейский литературный процесс возникла от чувства отчужденности в эмигрантской среде Парижа, обострившегося в 1925 г. и вошедшего в острую фазу в 1926–1927 гг. Именно это одиночество и даже противостояние русскому Парижу сказалось на его отношении к собственному юбилею в 1927 г. Характерны строки из письма А. Ремизова к художнику Н.В. Зарецкому, в котором расставлены приоритеты собственного литературного «бытия»: «...я живу здесь совсем отдельно: “изолировано”,

4 См. очерк А. Ремизова, посвященный Л. Шестову, Д.С. Мережковскому и Вяч. Иванову «Три юбиляра»: [20], немногим ранее опубликованный на русском языке, без подписи [18], а также эссе, посвященное юбилею Льва Шестова [19].

мои книги бойкотируются (“Взвихренную Русь” боятся даже произносить) и для меня имеет большое значение, когда закрепляют мое бытие на свете через мои книги иностранцы...» [2, с. 34].

Отношение А. Ремизова к юбилею своего литературного «близнеца» Бориса Зайцева, писателя со схожей творческой биографией, подтверждает, что хлопоты, связанные с подготовкой торжества, были направлены на более важные и долговременные задачи, чем празднование календарной даты. Однако первые шаги в этом направлении ничем особым не отличались от обычного ремизовского затейничества, предназначенного для узкого дружеского круга. Еще в конце мая юбиляр получил по почте графический портрет, который, очевидно, создавался в проекции надвигающейся памятной даты его литературного дебюта в московском «Курьере»:

29. 5 <19> 26

Paris

Дорогой Борис Константинович

<...> Посылаю Вам Ваш портрет. По-немецки я его устрою в *Literarische Welt* — Вас и Н.А. Бердяева⁵. А по-русски попытаю счастья у Лукаша в «Слове»⁶.

(BAR, фонд Б.К. Зайцева⁷)

Характерно, что свой отклик на юбилей Б. Зайцева, А. Ремизов наметил разместить не в парижской периодике, а на периферии эмигрантского мира (латышская русскоязычная пресса) и на страницах немецкой печати. Причем самым вероятным и достойным юбиляра местом для публикации первоначально ему виделся литературный раздел берлинской газеты „*Literarische Welt*“, с которой тесно сотрудничал переводчик и пропагандист русской прозы и философской мысли Ганс Руофф⁸. Б. Зайцев не придал зна-

5 Место хранения портретов Б. Зайцева и Н. Бердяева (РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 4. № 29. Л. 4, 5).

6 Иван Созонтович Лукаш (1892–1940) — писатель, журналист; редактор рижской газеты «Слово» (1925–1927). См. о нем: [7, с. 83–104].

7 BAR — Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture at Columbia University in the City of New York (USA). “Alexei Mikhailovich Remizov Manuscripts” (далее — BAR, с указанием фонда).

8 Ганс Руофф (H. Ruoff; полное имя Johannes Albert Fritz; Иван Федорович; 1893–1985). См. о нем в статьях Ф.Б. Полякова [4; 5; 6].

чения объявленным в письме намерениям своего корреспондента, связанным с дальнейшей репродукцией наивного рисунка, и воспринял присланный артефакт как предвестие вовлечения его в ареал Обезьянней Великой и Вольной Палаты:

30 мая
1926

Дорогой Алексей Михайлович, благодарю Вас за портрет. Он = Матиссу, Утрилло и Леонардо да Винчи. Ошибка только та, что членом Pen club'a я никогда не был, а могу быть лишь членом другого клуба, похожего, но не столь литературного. <...>

(Amherst. Series I. B. 4. F. 5⁹)

В истории ремизовской организации юбилея просматривается поспешность и подчас практически не объяснимое стечение хронологических ошибок. Предположительно, совпадение литературных дебютов в «Курьере» (с разницей в один год) могло привести писателя и к аберрации года рождения его *vis-à-vis*, которая зафиксировалась в письме В.Н. Унковскому¹⁰, имевшему связи с редакциями русскоязычной печати в Латвии и Германии:

Париж. 18. 10. <19>26

Дорогой Владимир Николаевич.

Дайте информацию в «За свободу»¹¹, в Ригу, в Берлин, куда можете, что 10 декаб<ря> 1926 исполняется 25-и ление литературной деятельности Б.К. Зайцеву (1901–1926) и этот день совпадает с 50-летием Б.К. Зайцева (1876–1926) <sic!>¹². <...>

(ВАР, фонд В.Н. Унковского)

9 Amherst – Amherst College Center for Russian Culture (USA). Alexei Remizov and Serafima Remizova-Dovgello Papers (далее – Amherst, с указанием шифра).

10 Владимир Николаевич Унковский (1888–1964). См. о нем: [1, с. 76], автобиографические сведения по архивным материалам [1; 16, с. 81].

11 См.: [17, с. 6].

12 Год рождения Б.К. Зайцева – 1881.

В это же время предстоящий литературный юбилей Б. Зайцева как значительное культурное событие в жизни русской литературной эмиграции уже был анонсирован на страницах газеты «Дни». Именно это оповещение о намеченной официальной дате чествования послужило информационным поводом для упомянутого нами выше немецкого корреспондента А. Ремизова — Г. Руоффа, который до поры до времени оставил предложение писателя о юбилейной публикации без ответа. Теперь из Берлина он с поспешностью изложил планы редакции газеты „Die Literarische Welt“:

29. 10. <19>26

Дорогой Алексей Михайлович,

Давненько Вам не писал. Все мешали дела да всевозможные хлопоты.

<...>.

Сегодня у меня срочная просьба. В «Днях» я прочитал, что 10 ноября исполняется 25-летие литературной деятельности Б. Зайцева¹³. У меня с давнего разрешения его переведены несколько его рассказов. Желательно было бы достать короткую автобиографическую справку, чтобы вместе с ними напечатать, а также портрет. У меня имеется только старый его адрес: 2 rue Belloni, Paris 15e. Если Вас не затруднит, то обратитесь, пожалуйста, к Борису Константиновичу лично и попросите его от моего имени о том и другом. Главное, как можно скорее. Очень меня обяжете. Я постараюсь пристроить и Ваш с него рисунок. Если вы сами можете срочно выслать мне короткую заметку о Б<орисе> К<онстантиновиче> (вроде как о Л. Шестове, Вяч. Иванове и Мережковском)¹⁴ независимо от его собственной биографической заметки, то постараюсь поместить ее вместе с Вашим рисунком в L<iterarische> Welt. Но желательно было бы в таком случае получить ее до 4–5-го ноября, если это возможно, даже и раньше.

То же самое касается и автобиографической справки с портретом. Жду ответа.

С искренним приветом,

Ваш И. Руофф
(Amherst. Series 1. B. 4. F. 7)

13 Подразумевается дата официального торжества, объявленная в газете «День».

14 См. примеч. 4.

Желаемый результат был достигнут, и А. Ремизову оставалось только скоординировать действия юбиляра и переводчика, что он незамедлительно и сделал. Последовал обмен письмами:

<1 ноября 1926. Париж>

Дорогой Борис Константинович

Есть в Берлине еженедельная газета „Die Literarische Welt“ выход<ит> по пятницам. Это, как “Les nouvelles littéraires” в Париже. Единственная литературная газета. Надо ознаменовать Ваше 25илет<ие>. Не откладывая, пошлите по след<ующему> адресу

Hans Ruoff

München-Nymphenburg

Südliche Auffahrtsalle 8 I

Вашу фотограф<ическую> карточ<ку> и небольшую автобиограф<ическую> заметку <и> библиографию. (Я ему посылаю «Своими путями» № 10 / 1925 / [где ваш портрет])¹⁵ <...>

H. Ruoff = Иван Федорович кав<алер> обез<ьяньего> зн<ака> {он и сам Вам напишет} <...>

(BAR, фонд. Б.К. Зайцева)

3 ноября

1926

Дорогой Алексей Михайлович, как раз собирался Вам писать, когда получил Ваше письмо. Спасибо Вам за внимание и доброе отношение. Но ведь это Ваша инициатива, а может, быть «Иван Федорович» вовсе и не думает ничего писать. (Да еще оказывается, что потерял Ваше письмо. По крайней мере, ищу вокруг и на столе — не нахожу). Ну, это неважно.

<...>

Привет сердечный обоим от всей нашей семьи — и еще раз спасибо за хлопоты, письма и рисунки, о кот<орых> кое-что слышал.

Бор. Зайцев

(Amherst. Series 1. B. 4. F. 7)

15 Публ. ответа Зайцева на анкету «Русские писатели о современной русской литературе и о себе» (Своими путями. 1925–1926. № 10/11. С. 19).

Нетрудно заметить, что реакция Б. Зайцева на предложения А. Ремизова по-прежнему была недоверчивой: он заподозрил, что идея чествования на страницах немецкой прессы возникла благодаря деятельности неугомонного выдумщика. Сроки, поставленные берлинским корреспондентом, явно срывались¹⁶. Тогда А. Ремизову пришло в голову задействовать немецкоязычные органы печати в Праге. В 1925 г. у него завязалась переписка с переводчицей Валли Козичек-Броннек¹⁷, которая была заинтересована в публикации произведений русских писателей на немецком языке в Чехословакии. Выявленное нами ее письменное обращение к А. Ремизову с очевидностью указывает на лакуну в цепочке эпистолярных документов. По всей вероятности, первоначально писатель предложил простую схему действий, в результате которых Б. Зайцев уверился бы в том, что редакция “Prager Presse” сочла своим культурным долгом отметить итоги его литературной деятельности публикацией избранного сочинения на немецком языке и биографическим очерком одного из известных авторов. Очевидно, что в этом же письме А. Ремизову удалась манипуляция логикой действий корреспондентки, которая, уже в свою очередь, просила его не отказать в любезности составить юбилейную статью и разрешить публикацию ее перевода в газете:

Прага, 9/II 1926

Многоуважаемый господин Ремизов!

В ответ на Ваше любезное письмо от 4/II <его> м<есяца> спешу сообщить Вам, что редактор “Prager Presse” г. Магт весьма приветствовал

16 Ср. письмо Б. Зайцева, отправленное А. Ремизову 19 января 1927 г., с упоминанием переводчика Г. Руоффа: «От Ruoff'a ничего не получил. Видимо, рухнула его ст<атья> в „L<itetarische> Welt“» (Amherst. Series I. B. 4. F. 10).

17 Vally Kozitschek (урожд. Goldreich von Bronneck; литературный псевдоним Valerie gounecký; 1887–1944, Аушвиц, Польша) — журналистка и переводчица: в 1925 г. обратилась к А. Ремизову за разрешением его переводов. Согласно содержанию ее писем, она плодотворно сотрудничала с такими немецкими журналами, как „Die Neue Rundschau“, „Die Dame“, „Das Leben“, публикуя свои статьи и переводы произведений Е. Чирикова, И. Эренбурга, Г. Брейтмана; занималась переводом книг А. Ремизова «Зга», «Посолонь», «Шумы города», «Мара» и др. (Amherst. Series I. B. 4. F. 5, 7). Из зарегистрированных в библиографии А. Ремизова переводов в настоящий момент выявлен один: Malwine // Übers. V. Kositschek-Bronneck // Prager Presse (Dichtung und Welt, № 39). 1926. 26 Sept. № 264. S. III (рассказ «Мальвина»). Автор статьи выражает сердечную благодарность Ф.Б. Полякову и Anne Hultsch (Институт славистики Венского университета, Австрия) за помощь в нахождении биографических данных V. Kositschek-Bronneck.

идею поместить портрет, справку о деятельности и небольшой рассказ Бориса Константиновича Зайцева ко дню двадцатипятилетия его литературной деятельности, выразив большое желание увидеть Вас автором вышеуказанной справки (размером не превышающем 120 строчек). Сегодня я послала письмо Борису Константиновичу с просьбой о присылке портрета и рассказа и сообщила ему о том, что надеюсь упрощу Вас написать что-либо о его деятельности.

Верю, что Вы будете обычно любезны и не откажете мне в просимой статье.

За разрешение на перевод «Посолони» сердечно Вас благодарю <...>. В ожидании Вашего скорого ответа,
уважающая Вас

Vally Kositschek-Bronneck
(Amherst. Series I. B. 4. F. 7)

Успешное осуществление хитроумного плана вдохновило А. Ремизова приступить к неотложным церемониальным хлопотам: памятное событие послужило лучшим из оснований для посвящения Б. Зайцева в кавалеры Обезьяньей Палаты. В день получения письма из Праги канцеляриус принялся за изготовление одного из шедевров своего писцового делопроизводства — «юбилейной грамоты», которая по сложности исполнения и численности «обезьяньего» совета превзошла даже грамоту Льва Шестова, оформленную к 60-летию философа в марте того же года [13, с. 147–150; 14]. Обезьяньи рескрипт А. Ремизов датировал 10 ноября, вписав это событие в календарь православных святцев, в этот день поминавших Параскеву Пятницу (28 октября по ст. ст.)¹⁸. Дальнейшее осуществление ремизовского замысла описать торжество Б. Зайцева как значимое культурное событие европейской жизни теперь зависело только от согласия самого юбиляра. Его решение стало известно буквально на следующий день:

18 Грамота Б.К. Зайцева была своевременно опубликована в рижском журнале: *Ремизов А.* К предстоящему юбилею Б.К. Зайцева // Новая нива. 1926. № 47. 4 дек. См. также републикацию фрагмента шуточного документа [9, с. 318]. О праздновании юбилея в Обезьяньей Палате А. Ремизова см. в готовящейся к печати статье: *Обатнина Е.Р.* «Юбилейное бюро» царя Асыки: Алексей Ремизов и Борис Зайцев в летописи памятных событий 1926–1927 гг. // Писатель — Критик — Читатель: механизмы формирования литературной репутации в конце XIX — начале XX вв. СПб.: Росток, 2022 (в печати).

11 ноября

1926

Дорогой Алексей Михайлович, я получил сегодня письмо от г<оспо>-жи Козичек-Броннек. Пересылаю его Вам¹⁹. Она имеет на Вас виды по поводу статьи. Мне, разумеется, было бы *очень* приятно, *если бы* Вы написали, объяснить тут не нужно — но не есть ли это ее собственный «домысел»? Буду очень признателен, если сообщите свой взгляд на это. Видимо, она сама написать не может. Если не вы, тогда надо просить кого-ниб<удь> здешних.

<...>

Сердечный привет. Черкните.

Ваш Бор. Зайцев

(Amherst. Series I. B. 4. F. 7)²⁰

Промежуточные переговоры между писателями остались без документальных подтверждений, но незамедлительно юбиляр предоставил А. Ремизову автобиографическую справку для заказанной в редакции “Prager Presse” юбилейной заметки. Нижеследующее письмо представляет собой уникальный автобиографический документ, в котором рукой Б. Зайцева, его известным стройным и аккуратным почерком начертана неправдоподобная датировка года его рождения — 1876, полностью совпадающая с ремизовским убеждением в том, они с Б. Зайцевым литературные «близнецы» — по пропорции «круглых» дат: 50 лет от роду и 25 литературного пути. Обратим внимание, что юбиляр, подчеркнув «объективность» сообщенных им сведений, возможно, иронизировал над путаницей, внесенной «биографом», которая вовремя была обнаружена и устранена. Однако за неимением достоверных версий о причинах этой фантастической ошибки, также допустим, что в истории чествования, получившей воплощение как в привычных жанрах, так и в мифологических²¹, магия чисел имела значение:

19 Письмо среди корреспонденции А. Ремизова не обнаружено; вероятно, оно было возвращено Б. Зайцеву.

20 Здесь и далее в письмах Б.К. Зайцева курсивом выделены слова, подчеркнутые его рукой.

21 См. примеч. 18.

15 ноября

1926

Дорогой Алексей Михайлович, прилагаю Вам краткие литер<атурные> сведения о себе — т<ак> к<ак> они вполне объективны, то я счел возможным написать все это сам.

Родился в 1876 г. <sic! — E.O.>, в Орле. Отец был горный инженер. Детство в Калужской губ., частью на месте службы отца. Частью в его имении под Калугою. Среднее образование получил в Калуге. Высшее в Москве и Петербурге.

В 1901 г. в москов<ской> газете «Курьер» появился первый рассказ «В дороге». В нем есть влияние Леонида Андреева, с которым в те времена был близок. Андреев заведовал литер<атурным> отделом «Курьера» и поддерживал начинающего писателя. Ранние литер<атурные> влияния — Чехов, затем Флобер, частью — французские символисты. В 1904 г. первая вещь в толстом журнале, где лит<ературным> редактором был Бунин. В 1906 г. перв<ая> кн<ига> рассказов, в изд<ательст>ве «Шиповник». В дальнейшем ряд книг. Отдельные рассказы печатались почти во всех главнейших альманахах и журналах того времени.

До революции вышло в России шесть томов рассказов, роман «Дальний край» и перевод «Искушения св. Антония» Флобера. Переведен также [но из-за войны и революции не увидел света] «Ад» Данте.

Годы до 1922 прошли в Москве и имении отца в Тульск<ой> губ<ернии> — Притыкине, с которым связано наибольшее число литературн<ых> работ этой полосы. В 1904 г. впервые был с женой за границей и навсегда приобрел итальянскую ориентацию. Италия, где удалось побывать до войны пять раз, сильно вошла в писание. Много страниц посвящено ей в рассказах, и часть действия «Дальнего края» там происходит (как и в позднейшем ром<ане> «Золотой узор»).

В 1922 г. выехал с семьей за границу — сначала в Берлин, а затем в Италию и, наконец, послед<ние> три года живу в Париже.

В Берлине изд<ательст>во З.И. Гржебина выпустило «Собрание сочинений». Но туда вошло не все. (I Тихие зори, II Сны, III Усадьба Ланиных, V Земная печаль, VI Голубая звезда, VII — книга, написанная в Притыкине, во время разгрома революции. «Италия». В послед<ние> годы России написан также ряд рассказов, вышедших книжками за границей: «Рафаэль», из-

д<ание> Нева, Берл<ин>, и «Улица св. Николая» <издательство> «Слово», там же. В «Слове» переиздан также ром<ан> «Дальний край».

В эмиграции написан роман «Золотой узор», печатавшийся в <журнале> «Соврем<енные> записки» и отдельно вышедший в Праге в «Пламени». Книга «Преподобный Сергей Радонежский» (YMCA Press, только что появилась (второе издание), и несколько рассказов, печатавшихся в «Совр<ременных> Записках», «Руле», «Перезвонах».

На иностр<анных> яз<ыках> вышли: по-немецки книга «Рафаэль» (Neva-Verlag, Berlin, 1923), по-чешски — «Vybrané povídky» в изд<ательстве> Otto, «Klid» там же, «Modrá Hvězda» у KvaZníčka a Hampl — отд<ельные> рассказы. По-нем<ецки> в «Deutsche Ruderschau», «Berl<iner> Tageblatt», «B. Z. am Mitt<ag>», «Prager Presse».

Много переведено и издано по-японски, отдельные рассказы по-французски, итальянски, чешски.

P.S. Отрывок для перевода и портрет направляю прямо в Прагу.

Зашлите заметку. Сначала мне — любопытно взглянуть по-русски, что получится.

Сердечно Ваш

Бор. Зайцев

(Amherst. Series 1. B. 4. F. 7)

Заказ юбиляра был исполнен быстро. В американском архиве А. Ремизова сохранился автограф биографической статьи с небольшой авторской редакцией, сравнение которой с текстом-источником показывает, что Ремизов бережно отнесся к присланной Зайцевым справке, практически скопировав ее, однако ошибку в датировке года рождения, которая стала *idee-fix* для него самого, устранил, утвердив единственную памятную дату, связанную с литературным дебютом.

Личный взгляд на феномен Б. Зайцева выразился в двух абзацах рассуждений и дополнительной информации о постреволюционной деятельности писателя до отъезда за границу:

<...> По духу своего творчества Б.К. Зайцев стоит совершенно самостоятельно и вне всяческих литературных школ и влияний: он чужд как «об-

личительной» теме, наиболее ярко выраженной в русской литературе, так и «трагедии» (Достоевский), отравившей «латинскую душу».

Мне представляется: первая молитва Зайцева на утренней заре — не просьба, не жалоба, а благодарность Богу за «сотворение мира». И это — *вос-ток* — глубоко национальное — и этим «русским» проникнуты все его произведения. Отношение его ко всей твари Божией — от человека до полевого цветка — «человечное» в высшем смысле этого слова, а чувство, каким согрета изображаемая жизнь, «желанность». Если искать созвучия (*l'accord*), надо идти в глубь России к изустным словам русских «старцев», а в письменной литературе к проникновенным светящимся сказкам Льва Толстого. Там, где кончил Гоголь свои inferнальные «Мертвые души», стоит Зайцев со своей молитвой-благодарением и желанностью. По стилю Зайцев примыкает к русскому «литературному» языку. <...>.

За 25-летие духовной работы Б.К. Зайцев пронес через всю страду верный свет, одухотворяющий нашу трудную материальную жизнь, и за это должны быть признательны все, для кого человек не только живая машина и не только искусный акробат.

В России Б.К. Зайцев пользовался всеобщим уважением и любовью и до своего отъезда за границу (1923 г.) стоял во главе «Всероссийского союза писателей» в Москве.

(цит. по: Amherst. Series 1. Subseries 2. B. 11. F. 17)

Впервые творчество Бориса Зайцева было осмыслено с точки зрения писателя-«ровесника», который, несомненно, в проекции и на собственный литературный путь, описал генезис литературной личности юбиляра в масштабах истории русской литературы XIX–XX вв.²² Оригинальная трактовка подспудно подразумевала образ писателя-антипода, культивирующего в прозе литературный язык русской классики. Эта мысль создавала латентную диалогическую связь с дискуссией о литературном языке и аутентичности русского языка в художественной прозе, которая была актуализирована А. Ремизовым в 1926 г.²³

22 Ср. автохарактеристику, наиболее подробно представленную в прижизненной публикации выдержек из писем А. Ремизова 1943–1944 гг., собранных в архиве П.Е. Ковалевского [15].

23 Проблема «живой» речи в литературе особенно стала актуальной для А. Ремизова во время его работы над составлением списка «Жития протопопа Аввакума» в 1926 г., готовящегося для публикации в приложении к первому номеру журнала «Версты» (1926). Не

Интерпретацией собственной литературной личности Б. Зайцев был растроган и даже стал обдумывать возможность публикации заметки в русской печати. Эта идея излагалась в следующем письме:

23 ноября

1926

Дорогой Алексей Михайлович, по-моему, Вы очень своеобразно и интересно написали — мне весьма понравилось, человеческие слова, а не трафарет. Большая Вам благодарность. Я тотчас, отправил рукопись в Прагу.

А если ее использовать и для русского издания? Ведь именно в словесном ее «букете» при переводе должно пропасть многое. Да и подход, и *взор* необычны для т<ак> н<азываемой> *русской критики*. Так что жаль ее забивать только в Прагу. Есть у Вас дубликат? Если нет, то я напишу этой козочке²⁴, чтобы вернула рукопись, когда переведет (как это по-чешски) что-нибудь в роде: пшекладует?

<...>

Всего лучшего. Привет и С<ерафиме> П<авловне>.

Ваш Бор. Зайцев

(Amherst. Series I. B. 4. F. 7)

Буквально следом, 12 декабря на страницах литературного приложения „Dichtung und Welt“ к газете “Prager Presse” в переводе на немецкий язык, выполненном В. Козичек-Броннек, появился юбилейный раздел, который включал рассказ Б. Зайцева «Душа» и заметку Алексея Ремизова «Борис Зайцев» [21, с. II]. Но и на этом распространение итогов деятельности А. Ремизова не закончилось. Судьбой его эссе в переводе на французский язык распорядился сам юбиляр:

случайна в этом ракурсе реплика Ремизова в письме к Льву Шестову, на 60-летие которого был устроен вечер с чтением «Жития», и обсуждалось приглашение участников встречи. Ср.: «Ты хотел Зайцева — может быть это было бы полезно: показать, что есть русское в складе речи» [13, с. 151].

24 Речь идет о переводчице V. Kositschek-Bronneck.

20 дек<абря>

1926

Дорогой Алексей Михайлович, художник Терешкович²⁵ сделал набросок с меня для «Les Nouvelles littéraires», и надо было дать текст — я воспользовался Вашей статьей; она переведена на французский, и по словам Т<ерешковича> пойдет с рисунком (отдаленно меня напоминающим!) в эту или следующую пятницу. Сделать все надо было *крайне* спешно, он мне дал 1 день для перевода, поэтому я не успел Вас известить своевременно, надеюсь, что Вы не будете протестовать? Перевод, кажется, приличен, переводчица (Л. Полонская, сестра Алданова, переводит не впервые) указана²⁶, Ваше имя также, мне и казалось, что для Вас это не неприятно. И лишь сегодня пришло в голову, — м<ожет> б<ыть>, Вы уже дали, или обещали кому-ниб<удь> (по-франц<узски>), в другое место? — Но Вы ничего мне об этом не писали, и не говорили лично, последний раз!

Всего лучшего. Привет сердечный обоим.

Бор. Зайцев

(Amherst. Series 1. B. 4. F. 7)

Подробное описание торжественного заседания, устроенного 12 декабря в парижском клубе «Очаг друзей русской культуры» в честь Б.К. Зайцева, с перечислением всех именитых гостей юбиляра и кратким конспектом их выступлений, документально отражено в статье заведующего отделом информации газеты «Последние новости» Н.П. Вакара [11, с. 2]. Из этого подробного репортажа следует, что среди заочных поздравлений Б. Зайцеву была прочитана поздравительная телеграмма от А.М. Ремизова, не присутствовавшего на этом литературном празднике.

25 Константин Андреевич Терешкович (Terechkovitch Kostia (Constantin), 1902–1978) — живописец, график.

26 Речь идет о переводе заметки А. Ремизова, выполненном Любовью Александровной Полонской (урожд. Ландау, 1893–1963), сестрой писателя М.А. Алданова: [22]. Автор статьи благодарит Лилию Дьяченко (Женевский университет) за проведенную текстологическую сверку автографа и публикации, выявившую значительные сокращения и стилистические упрощения авторского текста в переводе.

Список литературы

Исследования

- 1 *Грачева А.М.* О писателе Федоре Сологубе, беллетристе Владимире Унковском и редакторе Алексее Ремизове // Русская литература. 2013. № 4. С. 75–83.
- 2 *Обатнина Е.Р.* Этюды к творческой биографии А.М. Ремизова: 1926–1927 гг. Часть вторая: Были и небыли парижских будней // Литературный факт. 2020. № 4 (18). С. 8–39. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-18-8-39>
- 3 *Обатнина Е.Р.* Этюды к творческой биографии А.М. Ремизова: 1926–1927 гг. Часть первая: «Эстетно-разложенец» // Литературный факт. 2020. № 3 (17). С. 8–53. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-17-8-53>
- 4 *Поляков Ф.* Алексей Ремизов и его переводчики в Германии: Архивные материалы (I) // New Studies in Modern Russian Literature and Culture: Essays in Honor of Stanley J. Rabinowitz. Part I / Eds. Catherine Ciepiela and Lazar Fleishman. Stanford Slavic Studies. 2014. Vol. 45. С. 325–338.
- 5 *Поляков Ф.* «Взаимное тяготение культур». Заметки о немецкоязычной рецепции А.М. Ремизова в 1920-е – 1930-е годы // Paralleli: Studi di letteratura e cultura russa / Per Antonella D'Amelia, a cura di Cristiano Diddi e Daniela Rizzi. Salerno 2014. С. 347–360. (Europa Orientalis, 3)
- 6 *Поляков Ф.Б.* Встречи Льва Шестова с переводчиком Гансом Руоффом // Ежегодник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2019. С. 185–189.
- 7 *Равдин Б.* Иван Лукаш между Берлином, Парижем и Ригой (К истории рижской журналистики 1920-х гг.) // Across Borders: 20-th Century Russian Literature and Russian-Jewish Cultural Contacts. Essays in Honor of Vladimir Khazan / Eds. L. Fleishman and F. Poljakov. Berlin: Peter Lang, 2018. S. 83–104.

Источники

- 8 *Зайцев Б.К.* Отблески Вечного. Неизвестные рассказы, эссе, воспоминания, интервью / сост. вступ. ст., подгот. текста и коммент. А.М. Любомудрова. СПб.: Росток, 2018. 736 с.
- 9 *Зайцев Б.* На Афон / вступ. ст. А.К. Клементьева. М.: Индрик, 2013. 414 с.
- 10 *Зайцев Б.* Собр. соч.: в 5 т. М.: Русская книга, 1999–2001. Т. I–II.
- 11 *Н.П.В.* <Н.П. Вакар> Чествование Б.К. Зайцева // Последние новости. 1926. 14 дек. № 9092.
- 12 *Обатнина Е.* Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А.М. Ремизова в лицах и документах. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2001. 384 с.
- 13 *Переписка Л.И. Шестова с А.М. Ремизовым (окончание) / подгот. текста и примеч. И.Ф. Даниловой и А.А. Данилевского // Русская литература. 1994. № 2. С. 136–185.*

- 14 Ремизов А. К предстоящему юбилею Б.К. Зайцева // Новая нива. 1926. № 47. 4 дек.
- 15 Ремизов А.М. Моя духовная биография в «Узлах и закрутах» // Возрождение. 1957. Тетрадь 17. Октябрь. С. 30–31.
- 16 Ремизов А.М. «На вечерней заре». Глава из рукописи; Письма к С.П. Ремизовой-Довгелло. 1925 / коммент. Е.Р. Обатниной; подгот. текста Е.Р. Обатниной и А.С. Урюпиной // Литературный факт. 2020. № 1 (15). С. 42–114. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-15-42-114>
- 17 <Ремизов А.М.> <Письмо В. Унковскому по поводу юбилея Б. Зайцева> // За Свободу! 1926. 7 нояб. № 257 (1988).
- 18 <Ремизов А.М.> Три юбилея. 1866–1926 // Ухват. 1926. № 1.
- 19 Ремизов А. Шестов: 1866–1926 (шестидесятилетие) // Своими путями. 1926. № 12/13. С. 32.
- 20 Remisov A. Die Drei Jubilare (1866–1926) / Übers. H. Ruoff // Die Literarische Welt. 1926. 7. Mai. № 19.
- 21 Remisov A. Boris Saïzev / Übers. V. Kositschek-Bronneck // Prager Presse (Dichtung und Welt, № 51). 1926. 12. Dez. № 340.
- 22 Remisov A. Boris Zajtsev / Adpté du russe par Z. Polovsky <L.A. Polonskaja> // Les Nouvelles littéraires. 1926. 25 déc. № 219.
- 23 Remisov A. Was ich dem deutschen Geist verdanke / Übers. H. Ruoff // Die Literarische Welt. 1925. № 4.

References

- 1 Gracheva, A.M. "O pisatele Fedore Sologube, belletriste Vladimire Unkovskom I redaktore Aleksee Remizove" ["About the Writer Fedor Sologub, the Belletrist Vladimir Unkovsky and the Editor Alexei Remizov"]. *Russkaia literatura*, no. 4, 2013, pp. 75–83. (In Russ.)
- 2 Obatnina, E.R. "Etiudy k tvorcheskoi biografii A.M. Remizova: 1926–1927 gg. Chast' vtorai: Byli i nebyli parizhskikh budnei" ["Studies on A.M. Remizov's Creative Biography: 1926–1927. Part 2. Facts and Fables of Parisian Everyday Life"]. *Literaturnyi fakt*, no. 4 (18), 2020, pp. 8–39. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-18-8-39> (In Russ.)
- 3 Obatnina, E.R. "Etiudy k tvorcheskoi biografii A.M. Remizova: 1926–1927 gg. Chast' pervaia: 'Esteto-razlozhenets.'" ["Studies on A.M. Remizov's Creative Biography: 1926–1927. Part 1. 'Aesthete-Degenerate'."]. *Literaturnyi fakt*, 2020, no. 3 (17), pp. 8–53. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-17-8-53> (In Russ.)
- 4 Poliakov, F. "Aleksei Remizov i ego perevodchiki v Germanii: Arkhivnye materialy (I)" ["Alexei Remisov and his Translators in Germany: Archival Materials (I)"]. *New Studies in Modern Russian Literature and Culture: Essays in Honor of Stanley J. Rabinowitz. Part I*, eds. Catherine Ciepiela and Lazar Fleishman. Stanford Slavic Studies, vol. 45, 2014, pp. 325–338. (In Russ.)
- 5 Poliakov, F. "'Vzaimnoe tiagotenie kul'tur.' Zametki o nemetskoiazychnoi retseptsii A.M. Remizova v 1920-e – 1930-e gody" ["'Mutual Gravity of Cultures'. Notes on the German-language reception A.M. Remisov in the 1920s – 1930s"]. *Paralleli: Studi di letteratura e cultura russa*, per Antonella D'Amelia, a cura di Cristiano Diddi e Daniela Rizzi. Salerno, 2014, pp. 347–360. (Europa Orientalis, Issue 3) (In Russ.)
- 6 Poliakov, F.B. "Vstrechi L'va Shestova s perevodchikom Gansom Ruoffom" ["Encounters of Lev Shestov with Translator Hans Ruoff"]. *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ia im. A. Solzhenitsyna*. Moscow, Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad Publ., 2019, pp. 185–189. (In Russ.)
- 7 Ravdin, B. "Ivan Lukash mezhdou Berlinom, Parizhem i Rigoi (K istorii rizhskoi zhurnalistiki 1920-kh gg.)" ["Ivan Lukas between Berlin, Paris and Riga (Towards the History of Riga Journalism in the 1920s)"]. Fleishman, L., and F. Poljakov, editors. *Across Borders: 20-th Century Russian Literature and Russian-Jewish Cultural Contacts. Essays in Honor of Vladimir Khazan*. Berlin, Peter Lang Publ., 2018, pp. 83–104. (In Russ.)